

Евразийские академические горизонты <https://eahjournal.ru>
Eurasian Academic Horizons

2025, Том 2, № 4 / 2025, Vol. 2, Iss. 4 <https://eahjournal.ru/issue-4-2025.html>

URL статьи: <https://eahjournal.ru/PDF/05EAH425.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Аллен, Е. П. Интегративный подход к анализу российско-американского дискурса в условиях полицентризма и цифровой трансформации / Е. П. Аллен // Евразийские академические горизонты. — 2025. — Т. 2. — № 4. — URL: <https://eahjournal.ru/PDF/05EAH425.pdf>.

For citation:

Allen E.P. An integrative approach to the analysis of Russian-American discourse in the context of polycentrism and digital transformation. *Eurasian Academic Horizons*. 2025;2(4): 05EAH425. Available at: <https://eahjournal.ru/PDF/05EAH425.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 32.019.51

Аллен Елена Павловна

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса», Москва, Россия
Доцент Высшей школы общего гуманитарного образования
Кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: var064@yandex.ru

Интегративный подход к анализу российско-американского дискурса в условиях полицентризма и цифровой трансформации

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена воздействием двух мегатрендов: трансформации международного порядка в сторону полицентричности и всеобъемлющей цифровизации. Эти процессы формируют новую парадигму взаимодействия, где информационное пространство становится ключевым полем стратегического противоборства, а классические концепции влияния эволюционируют в гибридные формы.

Цель статьи — разработка комплексного аналитического подхода для изучения российско-американского политического дискурса в этих условиях. Объект исследования — российско-американское информационно-коммуникационное пространство — отличается высокой сложностью, а предмет изучения (дискурсивные практики и конкурирующие нарративы) требует новых методов анализа.

Для этого предлагается интегративный «методологический треугольник», сочетающий конструктивистский подход, теорию сетевого общества М. Кастельса и критический дискурс-анализ, дополненные инструментарием компьютерной лингвистики и фрейм-анализа.

Ключевой результат — разработка оригинальной интегративной модели. Её отличительная черта — синтез макроуровневого анализа международных отношений с микроуровневым изучением дискурсивных практик, что преодолевает разрыв между теорией международных отношений и медиаисследованиями. Такой подход адекватен современным вызовам, поскольку власть в гибридной медиасистеме всё больше зависит от способности конструировать смыслы.

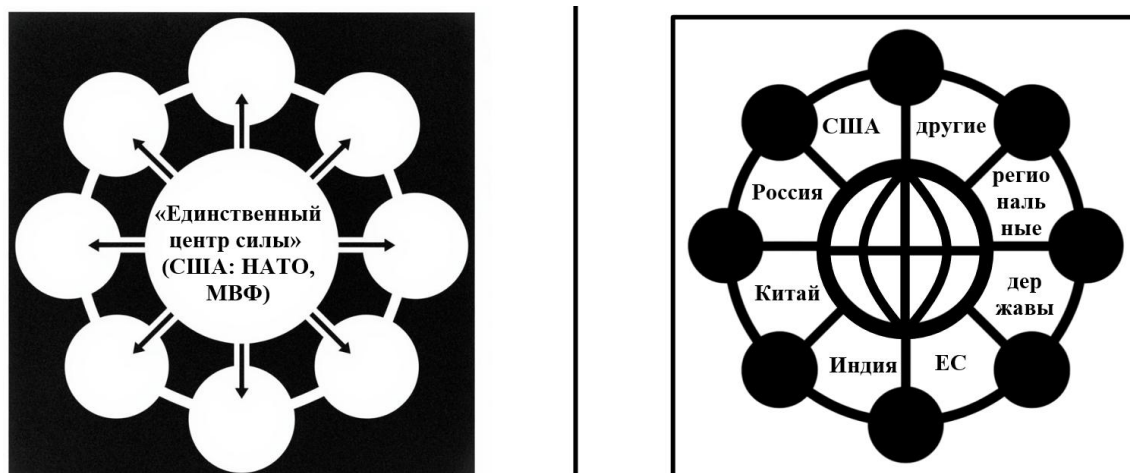
Применение модели позволяет получать конкретные результаты: выявлять конфликтующие нарративы, моделировать сети их распространения и деконструировать идеологические компоненты в коммуникации. В заключении обосновывается, что предложенный синтез обеспечивает многомерный анализ гибридного политического влияния, системно объединяя глобальные структурные изменения с конкретными дискурсивными практиками в одном из ключевых дискурсов современности.

Ключевые слова: гибридное политическое влияние; сетевое общество; российско-американские отношения; политический дискурс; коммуникативная гегемония; «мягкая сила»; «острая сила»; методологический синтез; критический дискурс-анализ; информационно-коммуникационное пространство; нарративное противоборство

Введение

Современный этап развития международных отношений характеризуется одновременным воздействием двух фундаментальных мегатрендов, определяющих новую парадигму политического взаимодействия.

С одной стороны, происходит глубинная **структурная трансформация международного порядка**, выражающаяся в переходе от униполярной модели к становлению полицентричной системы.¹ Данный процесс детерминирован появлением и наращиванием мощи новых центров силы (Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Индия), а также региональных центров принятия стратегических решений (Бразилия, Иран, Турция, Саудовская Аравия, Индонезия и др.), отстаивающих суверенные модели развития и заинтересованных в создании равноправной системы международного взаимодействия, исключающей монопольную гегемонию [1]. Это, в свою очередь, провоцирует системное противодействие со стороны государств, ориентированных на сохранение доминирующих позиций в архитектуре глобального управления. Возникающая при этом **стратегическая нестабильность** находит свое выражение не только в традиционной военно-политической и экономической конкуренции², но и в интенсивном соперничестве нарративов и ценностных моделей.

Униполярная модель (1990-е — 2000-е)

Становление полицентричной системы (2010-е — по н.в.)

Рисунок 1. Сравнительная схема униполярной и полицентричной моделей международной системы (составлено автором)

С другой стороны, наблюдается всеобъемлющая **цифровая трансформация**, которая, по мнению М. Кастельса, привела к становлению «**сетевого общества**», где информация,

¹ Караганов С. Постзападный мир: как обеспечить развитие и безопасность для всей Евразии. Интервью изданию “Brave New Europe” // Россия в глобальной политике. 2025. 19 июня. — с. 4 — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/postzapadnyj-mir-karaganov> (дата обращения: 03.01.2026).

² Евстафьев Д., Кортунов А. Какой должна быть внешняя политика России в эпоху стратегической нестабильности: полемика // РСМД. 2020. 27 ноября. — с. 3 — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakoy-dolzha-byt-vneshnyaya-politika-rossii-v-epokhu-strategicheskoy-nestabilnosti-polemika> (дата обращения: 02.12.2025).

коммуникация и власть оказались неразрывно связаны: *He stated that networks comprise the new social morphology of our societies and that the propagation of a networking logic fundamentally alters the operation and outcomes in spheres of production, experience, power, and culture* [2, с. 500]. Именно в цифровой среде, характеризующейся высокой скоростью, глобальным охватом и способностью преодолевать государственные границы, сегодня в значительной степени формируются политические повестки, конструируются образы международных акторов и легитимируются их действия.

Сформулированная проблемная ситуация обуславливает **цель данной теоретико-методологической работы** — выработку комплексного аналитического подхода для исследования российско-американского политического дискурса, основанного на интеграции трех взаимодополняющих методологических перспектив: *конструктивистского подхода, теории сетевого общества и критического дискурс-анализа*.

Научная новизна предлагаемого подхода заключается в разработке интегративной методологической модели, которая:

- последовательно сочетает макроуровневый анализ структурных изменений в международных отношениях с микроуровневым изучением дискурсивных практик;
- преодолевает разрыв между теориями международных отношений и современными медиаисследованиями;
- обеспечивает анализ не только содержания, но и сетевой архитектуры распространения политических нарративов.

Методологический треугольник исследования образуют:

1. **Конструктивистский подход**, фокусирующийся на процессах социального конструирования политической реальности через дискурс.
2. **Теория сетевого общества** (М. Кастельс), обеспечивающая макросоциологический контекст цифровой трансформации и понимание структурных трансформаций коммуникационного пространства.
3. **Критический дискурс-анализ**, направленный на выявление идеологических компонентов, властных отношений и скрытых смыслов в коммуникативных практиках.

Эмпирический анализ российско-американского дискурса будет осуществляться на основе комплекса методов, включающих:

- **сравнительный дискурс-анализ официальных документов, медиатекстов и публичных выступлений** для выявления конфликтующих нарративов;
- **методы компьютерной лингвистики** (computational linguistics), такие как автоматический анализ тональности, тематическое моделирование и анализ сетей распространения информации для обработки больших текстовых корпусов;
- **анализ фреймов** (framing analysis) для идентификации доминирующих способов интерпретации событий обеими сторонами.

В условиях этой трансформации предлагаемый интегративный подход позволяет преодолеть фрагментарность классических исследований, обеспечивая комплексный анализ содержания, формы и структуры распространения политических коммуникаций. Формируемый на примере российско-американского дискурса теоретико-методологический фундамент призван обеспечить релевантный и многомерный анализ специфики применения коммуникативных технологий в одном из ключевых биполярных дискурсов современности.

Обоснование необходимости теоретического переосмысления инструментария политической коммуникации обусловлено системным анализом двух взаимосвязанных процессов: цифровизации общественной жизни и структурной трансформации международного порядка. Возникающий в результате синтез этих мегатрендов формирует качественно новую среду политического взаимодействия, где коммуникация трансформируется из вспомогательного инструмента в самостоятельное поле стратегического противоборства. В этой связи она становится ключевым ресурсом в борьбе за **коммуникативную гегемонию** — доминирование в определении смыслов, интерпретаций и правил международного поведения. Классические модели концепции «**мягкой силы**» (*soft power*), сформулированной в конце XX века американским политологом Джозефом Наем как **способность добиваться желаемого через убеждение и привлечение**, а не через принуждение или оплату, эволюционируют в сторону более комплексных и агрессивных форм «**острой силы**» (*sharp power*) и «**гибридного влияния**», где когнитивно-дискурсивные технологии играют решающую роль, позволяя одновременно привлекать и дестабилизировать, минимизируя при этом риски прямого конфликта и сохраняя пространство для дипломатического маневра. Подобная интеграция отражает общую эволюцию парадигмы политического влияния в условиях цифровой трансформации международных отношений [3].

Таким образом, формирование гибридной модели политического влияния, синтезирующей инструменты мягкой и острой силы, находит свое институциональное воплощение в гибридной медиасистеме. Именно медиасреда становится тем практическим полем, где теоретические концепции «**soft & sharp power**» обретают конкретные механизмы реализации. Если «мягкая сила» основана на добровольном следовании примеру, то «**острая сила**» использует манипулятивные методы, такие как цифровая дезинформация, кибератаки, целенаправленное влияние на элиты и институты для подрыва политической среды целевых стран [4]. В научной литературе проводится разграничение между «**жесткой силой**» (*hard power*), подразумевающей открытое военно-политическое или экономическое давление, и «**острой силой**» (*sharp power*), механизмы которой носят ненасильственный и непрямой характер [5]. При этом **гибридная модель влияния**, посредством синтеза обоих подходов, сохраняет позитивный международный образ через инструменты «**soft power**» (культурные проекты, академические обмены и др.), одновременно прибегая к деструктивным инструментам «**sharp power**», таким как ведение манипулятивного информационного фона, разворачивание сетей ботов и троллей-фейков, проведение хакерских атак и сбор цифровых следов пользователей — весь этот спектр недорогих, но действенных киберметодов. Эта двойственность создает комплексную систему геополитического воздействия, где прозрачная публичная дипломатия сочетается с непрямыми операциями информационного характера.

Гибридная медиасистема по своей сути представляет собой **постоянно меняющаяся сфера, в которой доминирование устанавливается за счёт интеграции традиционных и инновационных медиатактик, а эффективность воздействия определяется адаптивностью и умением контролировать информационную повестку и фокус аудитории**: *Chadwick argued that the hybrid media system is fundamentally constructed through the dynamic interplay between traditional and digital media logics — encompassing their respective technologies, genres, norms, behaviors, and organizational structures — within the inextricably linked realms of media and politics. He emphasized the critical need to comprehend the bidirectional adaptation and integration of media practices, where emerging formats absorb the principles of legacy media, and vice versa. Furthermore, he described the actors within this ecosystem as being interconnected through intricate and constantly shifting relationships characterized by mutual adaptation, interdependence, and the concurrent centralization and decentralization of power. Finally, he posited that a hybrid mindset actively challenges rigid binary thinking, steering us away from simplistic ‘either/or’ dichotomies and toward a more nuanced ‘both/and’ framework* [6]. В данном контексте когнитивно-дискурсивные технологии выступают в качестве ключевого компонента гибридной модели.

Сложившаяся ситуация актуализирует проблему **неадекватности классического теоретико-методологического инструментария** для анализа новых реалий. Линейные модели политической коммуникации, такие как знаменитая формула Г. Лассуэлла [7, с. 37]: «*Convenient way to describe an act of communication is to answer the following questions: Who — Says What — In Which Channel — To Whom — With What Effect?*», разработанные в эпоху доминирования традиционных медиа, оказываются ограниченными в условиях гибридной медиасистемы, где стираются границы между создателями и потребителями контента, а коммуникационные потоки приобретают нелинейный, сетевой характер. Теоретические конструкции, описывавшие относительно стабильный униполярный порядок, требуют в настоящее время пересмотра в контексте нарастающей геополитической турбулентности и конкуренции нарративов. Как раз эту трансформацию и фиксирует концепция Э. Чадвика, центральная идея которой заключается в том, что в гибридной медиасистеме стираются традиционные роли и границы: профессиональные СМИ (старые медиа) и рядовые пользователи, активисты, политики (использующие новые медиа) больше не существуют в изолированных мирах — они вовлечены в постоянное, нелинейное взаимодействие, где информация циркулирует по сетевым принципам, а не по иерархическим [6].

Российско-американские отношения, являясь одним из самых конфликтных и значимых для глобальной стабильности дискурсов, служат своего рода «лабораторией» для апробации новейших коммуникативных технологий как методов противостояния. Фактологию этой конфликтности можно проследить через её хронологию, начиная со времени распада СССР [8, с. 58–62]:

1990-е годы: США берут курс на строительство однополярного мира после распада СССР. *Расширение НАТО на восток* с включением Венгрии, Польши и Чехии в 1999 году и военная операция против Югославии становятся для России угрозами её безопасности и интересам. Программа «Партнерство ради мира» (1994) служит, по оценке Москвы, инструментом подготовки дальнейшего расширения альянса.

2000-е годы: Россия укрепляется и демонстрирует растущее неприятие однополярной модели. *Мюнхенская речь В. Путина* в 2007 году содержит открытое осуждение гегемонии США. *Выход США из Договора по ПРО в 2002 году* становится первым крупным разрывом в системе контроля над вооружениями. *Российско-грузинская война 2008 года* представляет собой первое открытое военное столкновение с союзником Запада и демонстрирует готовность Москвы применять силу для защиты сфер влияния.

2010-е годы: Кризис углубляется. «*Перезагрузка*» (2010–2013) остается краткосрочной паузой. *Украинский кризис 2014 года* с присоединением Крыма и войной на Донбассе приводит к первому крупному раунду западных санкций и замораживанию военно-политического сотрудничества. *Санкции США 2016 года* по обвинению во вмешательстве в американские выборы добавляют в конфликт киберполитическое измерение. *Выход администрации Трампа из ДРСМД в 2018 году* ликвидирует ключевой элемент архитектуры европейской безопасности.

2020–2022 годы: Конфронтация приобретает окончательный характер. *Критика США внутренних процессов в России*, включая конституционную реформу 2020 года, расценивается Москвой как вмешательство во внутренние дела. *Полномасштабное вторжение России в Украину в феврале 2022 года* вызывает беспрецедентное санкционное давление Запада и переход к острой фазе гибридной войны, включая *подрыв трубопроводов «Северный поток» в сентябре 2022 года*. *США открыто заявляют о цели ослабления России* и предоставляют Украине масштабную военную помощь.

Современный период (2023–2024 гг.): Противостояние становится тотальным и институционализированным. В 2023 году США и союзники вводят ценовые ограничения на

российскую нефть и подключают Украину к системе военных поставок по ленд-лизу. Отношения находятся на минимальном уровне со времен Карибского кризиса с прямыми военными столкновениями в Украине и практическим отсутствием диалога по контролю над вооружениями. Конфискация замороженных российских активов в 2024 году с использованием средств для помощи Украине квалифицируется Москвой как «кража». Исход войны в Украине остается ключевым фактором, определяющим будущий мировой порядок и место в нём обеих держав.

Информационно-коммуникационное пространство стало ключевой ареной тотального противостояния, а взаимные образы напрямую влияют на политику и общество, что находит **теоретическое обоснование в современных концепциях власти**, подтверждаемыми следующими положениями [9]:

Во-первых, по мнению М. Кастельса, **конструирование смыслов** стало одним из наиболее эффективных источников власти, дополняющим и иногда превосходящим по значимости прямое принуждение, что сместило ключевые битвы в информационное пространство.

Во-вторых, **возникновение «культуры реальной виртуальности» и «массовой самокоммуникации»** создало новую среду для формирования взаимных образов, влияющих на общественное сознание.

В-третьих, как показывает Ж. Бодрийяр, власть все чаще осуществляется через **управление символическими кодами и симулякрами**, где искусственно созданные образы заменяют реальность, что демонстрирует медиальное освещение военных конфликтов, где репрезентация часто доминирует над фактологической основой.

В-четвертых, современная политика, по Дж. Александру, в значительной степени представляет собой **превращение в перформанс**, где создание мифического нарратива доказывает прямое влияние формируемого образа на политический капитал. Наиболее показательным примером подобной мифологизации является кампания Барака Обамы, в ходе которой был сознательно сконструирован образ национального героя и харизматичного реформатора, наделенного почти мессианской ролью. Этот процесс иллюстрирует ключевой тезис о том, что для обретения статуса героя личность должна быть инкорпорирована в мифологический нарратив, трансцендируя свою смертную природу и культивируя символическое «бессмертное тело» [10, с. 75, 77].

В-пятых, **символические коды стали инструментом мягкой силы**, а анализ бинарных кодов, риторики и мифов подтверждает центральную роль коммуникативных практик в современном политическом противоборстве.

Наконец, **цифровая среда создает новые инструменты манипуляции** — цифровую стигматизацию и целенаправленное формирование негативных образов для управления общественными настроениями.

Таким образом, **в условиях тотального противостояния власть все больше зависит от способности конструировать смыслы и формировать нужные образы в цифровой среде, которые непосредственно воздействуют на внешнеполитические решения и массовое сознание**, что полностью подтверждает тезис о ключевой роли информационно-коммуникационного пространства в современном противоборстве. Вклад основополагающих теоретиков — философов, политологов, социологов — в изучение роли информационно-коммуникационного пространства позволяет говорить о становлении целостной концепции — от Эдельмана и Кастельса до наших дней, — которая определяет его как ключевой театр военных действий в современной политике. Однако комплексный анализ вышеобозначенного дискурса требует осмысления **эволюции теоретических подходов** к политической коммуникации, что обуславливает необходимость синтеза достижений теории международных отношений, политической компаративистики и современных коммуникативных исследований.

Заключение

Приведенная работа акцентирует, что в условиях становления полицентричного миропорядка и цифровой трансформации коммуникативное пространство превращается в ключевой театр политического противоборства. Разработанный интегративный методологический подход, синтезирующий конструктивистскую парадигму, теорию сетевого общества и критический дискурс-анализ, позволит преодолеть ограничения традиционных исследовательских моделей.

Предложенная модель эффективна за счет одновременного учета трех фундаментальных аспектов:

- макроструктурных изменений в международных отношениях;
- специфики сетевой организации современной коммуникации;
- дискурсивных механизмов конструирования политической реальности.

Считаем, что применение данного подхода к анализу российско-американского дискурса подтвердит гипотезу о том, что в современных условиях гибридное политическое влияние реализуется через сложное взаимодействие инструментов «мягкой» и «острой» силы, где борьба за нарративную гегемонию становится определяющим фактором эффективности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях:

1. Эмпирическая верификация предложенной модели на расширенном корпусе текстов и данных.
2. Сравнительный анализ дискурсивных стратегий других международных акторов.
3. Разработка специализированного методического инструментария для автоматизированного анализа гибридного влияния.

Таким образом, данная работа, представляющая введение в теоретико-методологические основы исследования коммуникативных технологий политического общения в условиях цифровой трансформации международных российско-американских отношений привносит начало в развитие методологического аппарата исследований политической коммуникации, предлагая комплексное решение для анализа одного из наиболее актуальных вызовов современной международной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смакотина Н.Л., Волков А.В. Трансформация мирового порядка в условиях международной нестабильности: открытый мир и синергия цивилизаций // Вестник московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2024, № 1. С. 3–21.
2. Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 597 с.
3. Русакова О.Ф., Жакьянова А.М. Эволюция концепта «мягкой силы» в творчестве Джозефа Ная: анализ основных этапов: сборник научных трудов под общей редакцией А.А. Керимова: «Культура и природа политической власти: теория и практика. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2022. С. 65–73, — 268 с.
4. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 с.

5. Кузнецов Н.М. Sharp power и внешняя политика США: сочетание несочетаемого? // Власть. 2022, № 1. С. 146–151.
6. Chadwick A. The Hybrid Media System: Politics and Power. Second edition. New York, NY: Oxford University Press, 2017. 329 с.
7. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas. New York: Harper and Brothers, 1948. С. 216–228.
8. Цзин Я., Вэйе Х. Современное состояние и перспективы развития российско-американских отношений // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 12. С. 57–63.
9. Кравченко С.А. Синергия сложности как императивный принцип организации власти в цифровую эпоху: новые вызовы человеческому капиталу // Полис. Политические исследования. 2024. № 2. С. 65–79.
10. Александер Дж.С. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО-Университета. 2008. № 3. С. 71–81.

Allen Elena Pavlovna

Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russia

E-mail: var064@yandex.ru

An integrative approach to the analysis of Russian-American discourse in the context of polycentrism and digital transformation

Abstract. The relevance of the article is determined by the impact of two megatrends: the transformation of the international order towards polycentricity and comprehensive digitalization. These processes are shaping a new paradigm of interaction, where the information space is becoming a key field of strategic rivalry, and classical concepts of influence are evolving into hybrid forms.

The aim of the article is to develop a comprehensive analytical approach for studying Russian-American political discourse under these conditions. The object of study — the Russian-American information and communication space — is characterized by high complexity, while the subject of study (discursive practices and competing narratives) requires new methods of analysis.

To this end, an integrative «methodological triangle» is proposed, combining a constructivist approach, M. Castells' theory of the network society, and critical discourse analysis, supplemented by the tools of computational linguistics and frame analysis.

The key result is the development of an original integrative model. Its distinctive feature is the synthesis of macro-level analysis of international relations with micro-level study of discursive practices, which bridges the gap between International Relations theory and media studies. This approach is adequate to modern challenges, as power in a hybrid media system increasingly depends on the ability to construct meanings.

The application of the model yields specific results: identifying conflicting narratives, modeling their dissemination networks, and deconstructing ideological components in communication. In conclusion, it is substantiated that the proposed synthesis ensures a multidimensional analysis of hybrid political influence, systemically integrating global structural changes with specific discursive practices within one of the key contemporary discourses.

Keywords: hybrid political influence; network society; Russian-American relations; political discourse; communicative hegemony; «soft power»; «sharp power»; methodological synthesis; critical discourse analysis; information and communication space; narrative confrontation